Проводница и Холодные Тени

Андрей Вэйл

Андрей Вэйл

Проводница и холодные тени. Том 1 Порог

«Автор»
2026

Вэйл А.

Проводница и холодные тени. Том 1 Порог / А. Вэйл — «Автор», 2026

Кира никогда не думала, что старые вещи могут отвечать. Но однажды комод проступает под лаком детским сердечком и отпечатком руки, которую она слишком хорошо помнит. А ночью квартира перестаёт жить по обычным законам: тени ползут по плинтусу, иней растёт изнутри дерева, дом замирает в ожидании рассвета.Восьмилетняя Лиза видит то, что взрослым не показывают: тропинки, по которым ходят души, и тени, что проверяют, крепко ли держат дом. А загадочный Марк знает про их семью больше, чем следовало бы, и умеет ждать. Очень долго.У Киры три часа до рассвета, чтобы запечатать трещины между мирами. Лак вместо заклинаний, ботинки, поставленные ровно, кот-сторож Барсик и сообщения с скрытого номера — всё это держит дом. Но в ящике комода ждёт конверт «Для Марка», а из зимы 1950-х доносится голос: «Марк, не смей»История о грани миров, о памяти, что сильнее страха, и о семье, умеющей держать линию. Даже когда на пороге стоит нечто третье.

© Вэйл А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Проводница и холодные тени 5
Том 1. «Порог» 6
Пролог 6
Глава 1. «Обычное утро» 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Проводница и холодные тени. Том 1 Порог

Проводница и холодные тени

Том 1. «Порог»

Пролог

Зима, 1950-е. Снег ложится на город так плотно, что кажется, будто мир накрыли ватным одеялом — ни крика, ни шагов, только тихий шелест снежинок, оседающих на крыши, на заборы, на подоконники старого дома на окраине. Даже воздух стал густым и неподвижным, как застывший сироп.

В доме у самой границы света и тени стояла Ольга. Молодая женщина в поношенном пальто и вязаной шали, с лицом, на котором усталость лежала не как тяжесть, а как привычка — будто она давно научилась носить её, не сгибаясь. В её руках была тонкая серебряная нить. Она не блестела, как драгоценность, а светилась изнутри, словно впитала в себя все тихие вечера, все шёпоты и все обещания, данные в темноте. Конец нити уходил в темноту за порогом — туда, где дверь, которую никто из обычных людей не видел, держалась лишь усилием воли и этой самой нитью.

Ольга вела душу ребёнка. Не мёртвого, не живого — того, кто застрял между мирами, кто забыл, куда идти, и теперь метался в серой тишине. Ребёнок шёл за ней, доверчиво держась за край её юбки. Он не плакал, не кричал, он просто смотрел на неё огромными тёмными глазами, в которых ещё не было страха — только ожидание: «Ты знаешь дорогу?»

И Ольга знала. Она вела его не словами, а песней. Тихий, ровный мотив, без слов, без мелодии, которую можно записать нотами, — просто звук, который успокаивал саму ткань мира, не давал ей скручиваться в узлы.

— Почти пришли, — шепнула она, не оборачиваясь. — Ещё шаг. Только не отпускай.

Дверь начала закрываться. Не сама по себе — её тянули с той стороны. Ольга почувствовала это как резкий рывок за сердце, будто кто-то дёрнул за ту самую серебряную нить, пытаясь вырвать её из рук. Она упёрлась ногой в порог, потянула нить на себя, удерживая равновесие между «здесь» и «там».

И тогда из темноты за её спиной, из щели между мирами, скользнула тень. Не мёртвая, не живая — нечто третье, то, что питается границами, питается тем, что дрожит на стыке. Тень не коснулась Ольги, не попыталась её сбить — она прошла сквозь узкую щель, пока Ольга была занята удержанием двери.

Ребёнок вздрогнул, отпустил край юбки и на мгновение растворился в слабом свете, который пробивался из-за двери. А потом шагнул вперёд — и исчез. Дверь захлопнулась с глухим стуком, который прозвучал громче любого грома, будто весь дом вздохнул и замер.

Ольга медленно обернулась. Комната была пуста. Только на полу лежала серебряная нить, свернувшаяся в аккуратное кольцо, как будто устала быть натянутой. И на свежем снегу у порога виднелся чужой след — не человеческий, не звериный, а такой, будто кто-то прошёл, не касаясь земли.

Из темноты коридора донёсся голос, спокойный и усталый, будто он произносил эти слова уже тысячу раз:

— Марк, не смей…

Но Марка там не было. Или он уже не мог ничего исправить.

Пролог обрывался на этом крике, оставляя в воздухе запах гари, холод чужого следа и ощущение, что дверь так и осталась приоткрытой — совсем чуть-чуть, на ширину дыхания. И что где-то в будущем кто-то снова встанет у порога, поставит ботинки ровно, возьмёт камешек и скажет: «Мы держим».

Глава 1. «Обычное утро»

Утро началось с кота. Его звали Барсик, и он считал, что лучший способ разбудить людей — это пробежаться по их лицам.

— Барсик! — Кира резко села на кровати, сбрасывая с себя пушистый ком недовольства. — Ты вообще в курсе, что у нас есть когтеточка?

Барсик посмотрел на неё с таким выражением, будто когтеточка — это какая-то буржуазная выдумка, недостойная настоящего кота. Потом он громко мяукнул, развернулся и гордо вышел из комнаты, оставив после себя ощущение, что именно он тут главный.

Кира вздохнула. На часах было 7:17. До выхода оставалось ровно сорок три минуты. В теории. На практике — сорок три минуты, если ничего не пойдёт не так. А в их доме «ничего не идёт не так» было редким исключением.

Она накинула халат и пошла на кухню. Холодильник привычно подмигивал магнитом — фотографией мужа. Улыбка на фото была такой спокойной, будто он знал, что утро в этом доме всегда начинается с катастрофы. Кира на секунду задержала взгляд, потом решительно отвернулась. Если думать об этом сейчас, она точно опоздает.

На кухонном столе уже сидела Лиза. Восьмилетняя, светловолосая, с косичками, которые она заплела сама (и которые выглядели так, будто их плели в темноте). Перед ней стояла тарелка с кашей, которую она не ела, и стакан с молоком, в котором плавал одинокий кусочек хлопьев.

— Мам, — сказала Лиза буднично, как будто сообщала прогноз погоды. — Бабушка Зина говорит, что фтористые пасты — это заговор стоматологов.

Кира замерла с кофейником в руке.

— Лиза, мы это уже обсуждали. Бабушка Зина… ну, ты понимаешь.

— Понимаю, — спокойно кивнула Лиза. — Но она ещё сказала, что у тебя в кроссовке камушек.

Кира посмотрела на свои кроссовки, стоящие у двери. И правда — один из них как-то странно топорщился. Она подошла, наклонилась, вытряхнула маленький острый камушек и посмотрела на него так, будто это была улика в детективном сериале.

— Ладно, — сказала она, стараясь говорить максимально обыденно. — Допустим, бабушка Зина очень наблюдательная. Но давай договоримся: сегодня никаких разговоров с… ну, ты поняла. У нас школа, у меня заказ на реставрацию старого комода, и вообще день должен пройти нормально.

Лиза пожала плечами.

— Хорошо. Но она ещё говорит, что кот Барсик на самом деле просто притворяется вредным, а на самом деле он очень переживает за нас.

Кира подняла бровь.

— Вот это уже звучит как чистая правда.

В этот момент Барсик снова появился на кухне и, как будто в подтверждение слов Лизы, громко и требовательно мяукнул.

— Ага, — сказала Кира. — Прямо сердце разрывается от его переживаний.

Лиза хихикнула.

Пока Кира наливала кофе, Лиза вдруг встала, подошла к холодильнику и аккуратно поправила магнитик с фотографией. Чуть-чуть сдвинула его влево, чтобы он висел ровно. Потом посмотрела на маму и сказала тихо:

— Он у нас всё ещё тут. Просто в другом месте.

У Киры что-то тёплое и колючее одновременно шевельнулось в груди. Она поставила чашку, присела на корточки, чтобы оказаться с Лизой на одном уровне, и взяла её за руки.

— Да, — сказала Кира спокойно, но голос чуть дрогнул. — Он у нас тут. И мы с тобой всё держим. И дом держим, и друг друга.

Лиза кивнула, будто это было самое обычное дело на свете — держать дом и друг друга, когда кого-то не хватает. Потом она улыбнулась и сказала:

— А ещё Барсик уронил миску.

И правда: на полу блестела лужица воды, а рядом валялась миска. Барсик стоял рядом и делал вид, что он вообще ни при чём.

Кира покачала головой, но улыбнулась. Встала, взяла тряпку, вытерла воду и сказала:

— Знаешь, твой папа всегда говорил, что в доме должно быть шумно. Потому что тишина — это когда никого нет.

Лиза подошла и прижалась к её боку. Кира обняла её одной рукой, продолжая вытирать пол, и это объятие было не про утешение, а про то, что они вдвоём — и этого достаточно, чтобы день начался.

А потом раздался звонок в дверь.

Кира посмотрела на часы. 7:23. Никто не должен был приходить. Почтальоны не ходят в такую рань, курьеры не доставляют заказы без предупреждения, а друзья… ну, друзья знали, что до восьми утра к Кире лучше не подходить.

— Сиди тут, — сказала Кира Лизе. — Я открою.

За дверью стоял мужчина. Высокий, в выцветшем сером пальто, в перчатках. Лицо у него было такое, будто он слишком много знал и слишком устал от этого знания. В руках он держал стопку буклетов.

— Доброе утро, — сказал он спокойно. — Я из оценочной конторы «Вековая стоимость». Мы проводим анализ имущества в районе…

Кира не дала ему договорить.

— Мы ничего не оцениваем, — сказала она твёрдо. — И ничего не продаём.

Мужчина чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышала она.

— Понимаю, — сказал он. — Простите за навязчивость. Буклеты — старая привычка.

Он протянул ей один из буклетов. На нём было написано: «Оценка. Реставрация. История вещей». И ниже — номер телефона.

Кира хотела его оттолкнуть, но что-то её остановило. Может, то, как он смотрел на дом. Не на фасад, не на дверь, а будто сквозь них — туда, где внутри прятались старые секреты.

— Спасибо, — сказала она неожиданно даже для себя. — Я посмотрю.

Мужчина кивнул.

— Если что, я буду неподалёку, — сказал он тихо. — Я хорошо умею ждать.

И ушёл.

Кира закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. В голове крутилась одна мысль: «Что-то не так».

А в гостиной Лиза тихо сказала:

— Мам, он не из оценочной конторы.

Кира повернулась.

— Откуда ты знаешь?

— Бабушка Зина говорит, что у него в кармане лежит карта миров.

Кира медленно выдохнула.

— Ладно. Сегодня точно будет нормальный день, — сказала она вслух, будто пытаясь убедить саму себя. — Просто обычный день.

Но где-то глубоко внутри она уже знала, что это не так.

Пока Кира стояла у двери, пытаясь собрать мысли, её взгляд зацепился за комод в прихожей. Тот самый, который она начала реставрировать неделю назад. Он был старый, тяжёлый,

с резными ножками и потемневшей столешницей. Кира всегда сначала чистила вещь, прежде чем браться за лак, — ей нужно было видеть, что там под слоем грязи.

Сейчас, в утреннем свете, она вдруг заметила странность. На столешнице была царапина, которую она вчера аккуратно затёрла наждачкой. Но теперь царапина была снова. Не такая, как раньше — чуть глубже, чуть темнее. Будто кто-то провёл по ней ногтем. Или будто сама вещь вспомнила старую боль.

Кира протянула руку и коснулась царапины. Дерево под пальцами было холодным, хотя в квартире было тепло.

«Это просто сквозняк, — подумала она. — Или я вчера плохо зачистила».

Но пальцы всё равно дрогнули.

В этот момент Лиза подошла и встала рядом, прижавшись к её боку.

— Мам, комод грустит, — тихо сказала она. — Он помнит, как его уронили на лестнице.

Кира обняла дочь одной рукой, а другой провела по царапине, стирая невидимую пыль.

— Всё в порядке, — прошептала она, скорее себе, чем Лизе. — Мы его починим.

Но в этот раз она не была уверена, что речь идёт только о комоде.

Кира взяла сумку с инструментами — там всегда лежал кусочек наждачки, тюбик клея, маленькая кисточка, пара гвоздей, которые могли пригодиться, и ещё один предмет, который она носила с собой почти как талисман: старый латунный ключик. Не от квартиры, не от мастерской — от шкатулки, которую мама подарила ей на восемнадцатилетие. Кира не знала, от чего он, но мама сказала: «Держи его при себе. Иногда вещи открываются не потому, что ты знаешь, как это сделать, а потому, что ты этого очень хочешь».

— Ты готова? — спросила Кира Лизу.

Лиза кивнула и вдруг сказала:

— Мам, а ты думаешь, папа бы сейчас сказал, что мы всё делаем правильно?

Кира на секунду закрыла глаза. Потом открыла и улыбнулась — не натянуто, а так, как улыбаются, когда правда прячется в словах.

— Я думаю, он бы сказал: «Вы молодцы. Только Барсика не забудьте покормить».

Лиза рассмеялась, и этот смех стёр с утра часть тяжести.

Они вышли из дома, и дверь за ними закрылась. Но Кира на секунду обернулась, будто хотела убедиться, что дом стоит на месте. И ей показалось — совсем на миг, — что тень под старой ивой во дворе чуть вытянулась в их сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.